

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье на примере анализа документов личного происхождения наглядно показывается, что при исследовании тем связанных с историей становления и развития университетского образования Республики Беларусь, воспоминания являются уникальным источником, позволяющим изучить ту сторону исторической действительности, которая, как правило, не получила отражения в официальных документах. Воспоминания позволяют не только понять внутренний мир человека, их написавшего, но и разобраться в коммуникативных особенностях взаимодействия между участниками образовательного процесса, частично проследить изменения методологических (идеологических) запросов времени к учебному процессу.

Ключевые слова: университет, история педагогики, источниковедение, документ, источники личного происхождения, воспоминания, учебный процесс, методики преподавания, коммуникативная практика.

При разработке тем, связанных с образовательной деятельностью университета, в фокус повышенного исследовательского интереса попадают участники педагогического процесса – студенты и преподаватели. В этой связи весьма перспективным при изучении истории университетского образования представляется обращение к такой группе источников, как документы личного происхождения.

Открытие 30 октября 1921 г. Белорусского государственного университета (далее – БГУ) стало вехой в истории становления и развития высшего образования Республики Беларусь. Неудивительно, что значительное количество мемуаров и памятных записок было издано и продолжает издаваться к юбилейным датам университета.

Среди множества источников личного происхождения при изучении истории Белорусского университета, можно выделить два блока документов. Первый – это воспоминания и письма известных ученых, работавших в университете в 1920–1930-е гг. (В. Н. Перцева, М. Н. Пиатуховича, С. Я. Вольфсона, С. М. Мелких, К. М. Поликарповича, В. В. Якунина, В. Д. Друщица, М. О. Гредингера, Д. Н. Дьякова и др.). Второй – документы личного происхождения, представленные записками студентов университета (М. Я. Адериho, И. Е. Лакиной, Н. Н. Улашика, Л. Н. Преображенской, Л. А. Арцимовича, А. Г. Браницкого, И. О. Царюк, Ю. И. Бибилы и др.), связавших впоследствии свою судьбу с научной и/или преподавательской работой в БГУ.

Проведенный анализ первой источниковой группы позволил выделить несколько общих для всех авторов воспоминаний тем, связанных с деятельностью БГУ. К ним можно отнести сведения об условиях, в которых проходил образовательный процесс; о студенческом контингенте; о собственных эмоциональных переживаниях, связанных с работой в вузе и пр.

Примечательно, что в записках большинства авторов, работавших в университете в 1920–1930-е гг., практически ничего не говорится о политических репрессиях этого периода.

Более категорично и откровенно рассказывают о событиях этого периода бывшие студенты высшего учебного заведения. В их записках чаще всего затрагиваются три тематических направления: воспоминания авторов о своих студенческих годах, о наставниках, о первых шагах в научной и преподавательской деятельности.

В качестве образца такого рода источников хотелось бы привести воспоминания профессоров БГУ М. Н. Пиатуховича и В. Н. Перцева, а также бывших студентов, выдающихся ученых и преподавателей Г. А. Браницкого, Н. Н. Улащика, И. О. Царюк, О. Ф. Якушко.

Воспоминания Михаила Николаевича Пиатуховича были написаны в 1927 г. и приурочены к празднованию 10-й годовщины Октябрьской революции и шестилетию юбилея университета. Описывая первое время работы вуза, М. М. Пиатухович вспоминал: «Бедно и неуютно было в аудиториях. За низкие скамейки, на которых раньше сидели ученики подготовительного класса, теперь с великим трудом для себя усаживались бородатые и уважаемые дядьки-студенты; замазанные, давно не видевшие ремонта стены, временами слабый огонек свечи вместо электричества – в такой нищенской обстановке пришлось начинать работу» [Пиатуховіч, 2006, с. 238].

Его впечатления созвучны воспоминаниям другого профессора БГУ Владимира Николаевича Перцева, который, готовясь уже к двадцатилетнему юбилею университета в 1941 г., отмечал: «В то время – в 1921 году – он (университет – Л. М.) был одним из самых молодых, если не самым молодым из всех вновь сформированных советских вузов. Средства, которыми он тогда располагал, были очень невелики» [Малюгин, 2016, с. 19]. Поэтому и бытовых трудностей хватало с избытком. Однако все это отходило на второй план и «в аудиториях, часто холодных, мало протопленных, было по-своему тепло и уютно», поскольку в их стенах «раздавались бодрые и радостные голоса рабочей молодежи» [Пиатуховіч, 2006, с. 238].

Нелегкими, по воспоминаниям преподавателей, были и первые учебные годы в университете. Так, в БГУ на протяжении 1921–1925 гг. не существовало стабильного расписания лекций, поскольку не хватало штатных преподавателей, а приглашенные специалисты не всегда могли приехать вовремя из других городов. В результате «недостаток в преподавателях был настолько велик, что приходилось ориентироваться на наличные преподавательские силы, а не на учебный план; иначе говоря, не столько преподаватели приглашались для чтения определенных курсов, сколько определение и характер курса находились в зависимости от имеющихся научных сил», – отмечал профессор В. Н. Перцев [Малюгин,

2016, с. 20]. Кроме того, «неясно даже было, сколько лет будет продолжаться обучение в университете, какие дисциплины будут читаться и на каких курсах, будет ли университет давать учащимся права, и если будет, то какие, и т. п.» [Малюгин, 2016, с. 21]. Однако несмотря на все неурядицы «уверенность в прочности и жизнестойкости молодого университета давал подлинный, бьющий через край энтузиазм, которым были охвачены первые его слушатели и большая часть преподавателей» [Малюгин, 2016, с. 22].

Любопытные сведения, содержащиеся в воспоминаниях, может найти исследователь касательно проводимых занятий. Так, по воспоминаниям С. В. Перцева «первые лекции в университете <...> напоминали публичные лекции» [Перцев, с. 21]. Это было связано с тем, что «Минск слишком долгое время ждал своего высшего учебного заведения, и в нем накопилось <...> много молодых (а иногда и не особенно молодых) людей, стремившихся к живому научному слову и не имевших возможности удовлетворить этим стремлениям» [Малюгин, 2016, с. 22].

Неожиданно обрушившимся бедствием называет В. Н. Перцев бригадно-лабораторный метод, повсеместно внедрявшийся в высшую школу во второй половине 1920-х гг. В результате из-за нехватки литературы и неоднородной подготовки студентов «вести правильное преподавание», по мнению автора, «в эти годы можно было, только нарушая строгие предписания учебной части и продолжая читать лекции, формально запрещавшиеся <...> По этому пути нарушения педагогических директив и я, и некоторые другие преподаватели сознательно шли» [Малюгин, 2016, с. 24].

Особенностью первых слушателей университета был пестрый образовательный, возрастной и до 1924/1925 учебного года социальный состав. Как вспоминал В. Н. Перцев, «наряду с зеленой молодежью попадались очень часто люди и более солидного возраста – 30 лет с лишним, а иногда и старше» [Малюгин, 2016, с. 22].

Подтверждение таким наблюдениям находим в воспоминаниях бывшего студента БГУ, впоследствии известного историка-археографа Николай Николаевича Улащика. Описывая свои впечатления от лекций замечательного ученого историка, первого ректора БГУ Владимира Ивановича Пичеты (1921–1929), он вспоминал, что тот, понимая, «недостаточную подготовку» слушателей, терпеливо объяснял им материал и давал возможность «оглядеться» так, что они сами через какое-то время начинали справляться с поставленными задачами. Вместе с тем В. И. Пичета не терпел бездельников и мог выгнать неподготовленного студента из аудитории [Улащик, 1978].

Университет развивался и в 1930-х гг. был центром научной и образовательной жизни республики, в котором работали лучшие ученые и преподаватели того времени. Так, по воспоминаниям бывшей студентки географического факультета, профессора Ольги Филипповны Якушко

экономическую географию преподавал профессор Московского университета М. Н. Смирнов, физическую географию материков – географ из Латвии А. И. Яунпутинь, лекции по земледелию читал В. А. Дементьев [Якушко, 2006, с. 359].

Интересно, что в воспоминаниях студентов тех лет акцент делается на образовательный аспект, тогда как бытовое и повседневное существование затрагивается вскользь, без акцентирования внимания на них. «Девочки обычно имели очень скромную (если не сказать бедную) одежду. Но это никого не смущало, человек на курсе оценивался не по одежде, а по стремлению к знаниям», – вспоминала О. Ф. Якушко [Якушко, 2006, с. 359].

После Великой Отечественной войны начался новый период в истории БГУ.

В своих воспоминаниях доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета (1973–1986) Ираида Осиповна Царюк описывает разрушенный послевоенный Минск (1948 г.), чудом уцелевшие корпуса университета, общежитие с комнатами на 30 человек и студентов бывших фронтовиков. «Первый курс. Жизнь замечательна. Она была насыщенной, интересной», – вспоминала Ираида Осиповна. По мнению автора, «обстановка послевоенного времени, преобладание взрослого контингента студентов сказывались на отношении к учебе и вообще к жизни в университете» [Царюк, 2009, с. 275]. Кроме учебы были обязательными часы отработки на разборах, расчистке от развалин улиц домов, посадке деревьев в парках и скверах.

Ираида Осиповна с теплотой отзывалась о декане исторического факультета Федоре Макарьевиче Нечае (1947–1953), который читал лекции по истории Греции и Рима. По ее замечанию это был интересный, добродушный и очень спокойный человек. Посчастливилось учиться автору и у знаменитых профессоров В. И. Перцева и Н. И. Никольского.

Бывший студент БГУ, доктор химических наук, профессор Геннадий Алексеевич Браницкий в своих воспоминаниях так описывает химфак второй половины 1950-х гг.: «В годы моей учебы в здании химфака, в комнатах для лабораторных занятий по химии были вытяжные шкафы, длинные спаренные химические столы с покрытием из линолеума, на некоторых стояли вакуумные установки с манометрами, диффузионными насосами и стеклянными грушами, заполненными ртутью. Такие установки были предназначены для исследований в области химии твердого тела. <...> В подвальном помещении здания были спортивный зал для штангистов и парилка для них, а также буфет и столовая с бесплатным хлебом на всех столах, солью и горчицей. Это как-то позволяло студентам, не получающим помощи от родителей, жить на стипендию» [Браницкий].

Таким образом, документы личного происхождения, представленные в своем большинстве воспоминаниями непосредственных участников

событий, позволяют изучить ту сторону исторической действительности, которая, как правило, не получает отражения в официальном делопроизводстве и законодательстве. Такого рода источники дают возможность не только понять внутренний мир человека, их написавшего, но и опосредованно «заглянуть за закрытую дверь» аудитории, почувствовать учебную атмосферу, разобраться в коммуникативных особенностях взаимодействия между участниками образовательного процесса, частично проследить изменения методологических и идеологических запросов, предъявляемых к обучению.

Список литературы

Браницкий Г. А. Воспоминания студента и декана об учебе и работе на химическом факультете в послевоенные годы. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/218816> (дата обращения 14.07.2020).

Малюгин О. И. Первые годы деятельности БГУ в воспоминаниях академика В. Н. Перцева // *Вестник БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права.* 2016. № 2. С. 17–25.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. «Белорусский государственный университет».

Піятуховіч М. М. Старонка ўспамінаў прафесара БДУ М. М. Піятуховіча // *Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941.* Минск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2006. С. 237–240.

Улащик Н. Н. В. И. Пичета в первые годы существования Белорусского государственного университета // *Славяне в эпоху феодализма.* М.: Наука, 1978. С. 66–72.

Царюк И. О. Из воспоминаний И. О. Царюк «Крутые дороги» // *Российские и славянские исследования.* 2009. Вып. 4. С. 275–279.

Якушка В. П. Успаміны заслужаннага дзеяча навукі Беларусі, лаўрэата дзяржаўнай прэміі, доктара геаграфічных навук В. П. Якушка // *Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941.* Минск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2006. С. 357–360.

УДК 37.014.2

И. С. Огоновская

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ XX ВЕКА НА УРОКЕ ИСТОРИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ЕЖЕГОДНИКА «АРХИВЫ УРАЛА»

Автор статьи актуализирует проблему использования письменных исторических источников на уроках истории в школе и рассматривает в качестве дидактических материалов публикации ежегодника «Архивы Урала». Документы, представленные в ежегоднике, можно использовать в качестве дополнения, разъяснения, иллюстрации к текстам школьных учебников, а также использовать в качестве аргументов и доказательств во время дискуссий и дебатов. Автор обращает внимание на необходимость обучения школьников навыкам работы с письменным историческим источником, предлагает алгоритм анализа документа и представляет опыт обращения к документам на уроках истории. В качестве примера приводятся документы по отечественной истории XX века, касающиеся Первой мировой войны, Великой Российской революции, индустриализации, Великой Отечественной войны и других событий.

Ключевые слова: ежегодник «Архивы Урала», документ, урок истории, школа, Первая мировая война, Великая Российская революция, Великая Отечественная война, индустриализация.